

Малькольм Лаури

Малькольм Лаури

У подножия вулкана

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Л28

Серия «XX век — The Best»

Malcolm Lowry
UNDER THE VOLCANO

*This book was originally published in 1947 by J.B. Lippincott,
re-issued in 1984 by Harper & Row Publishers.*

Перевод с английского В. Хинкиса

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения литературных агентств
Sterling Lord Literistic и The Van Lear Agency LLC.

Лаури, Малькольм.

Л28 У подножия вулкана : [роман] / Малькольм Лаури ; [пер. с
англ. В. Хинкиса]. — Москва : Издательство АСТ,
2018. — 448 с. — (XX век — The Best).

ISBN 978-5-17-104822-8

«У подножия вулкана» — во многом автобиографичный роман о человеке, создавшем для себя земной ад и в нем сгоревшем. Действие разворачивается в маленьком мексиканском городке в День поминовения усопших — последнем в жизни беспробудного пьяницы Джеффри Фермина, бывшего британского консула.

Эрнест Хемингуэй прочел «У подножия вулкана» шесть раз, последний — за два дня до своего самоубийства. Он неизменно рекомендовал своим друзьям «почистить душу» этой книгой в периоды похмелья.

Габриэль Гарсиа Маркес говорил, что читал этот роман чаще, чем любой другой в своей жизни.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-104822-8

© Malcolm Lowry, 1947
© renewed 1975 by Margerie Lowry
© Перевод. В. Хинкис, наследники, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

В мире много сил великих, но сильнее человека нет в природе ничего. Мчится он, непобедимый, по волнам седого моря, сквозь ревуший ураган. Плугом взрывает он борозды вместе с работницей-лошадью, вечно терзая Праматери неутомимо рождающей лоно богини Земли.

Зверя хищного в дубраве, быстрых птиц и рыб, свободных обитательниц морей, силой мысли побеждая, уловляет он, раскинув им невидимую сеть. Горного зверя и дикого порабощает он хитростью, и на коня густогривого, и на быка непокорного он возлагает ярмо.

Создал речь и вольной мыслью овладел, подобный ветру, и законы начертал. И нашел приют под кровлей от губительных морозов, бурь осенних и дождей. Злой недуг он побеждает и грядущее предвидит, многомудрый человек. Только не спасется, только не избегнет смерти никогда.

Софокл «Антигона»¹

И благословил я тогда естество пса и жабы, истинно, восхотел я приять естество пса или жеребца, ибо ведал, что не имут души, обреченной погибели через вековечное бремя Прегрешения или Ада, подобно душе моей. Но хотя я сие зрел, сие чувствовал и сим сокрушен был, безмерно печаль моя приумножилась, ибо сколь ни искал я в душе своей, но не находил там готовности обрести спасение.

*Джон Беньян, «О благодати, ниспосланной
величайшему из грешников».*

Wer immer strebend sich bemüht, den können wir erlösen.

«Чья жизнь в стремленьях вся прошла, того спасти мы можем».

Гёте²

¹ Перевод Д. Мережковского.

² «Фауст». Перевод Б. Пастернака.

Две горные гряды пересекают республику приблизительно с севера на юг, образуя меж собой множество долин и плоскогорий. На краю одной из таких долин, у подножия двух высоких вулканов, на высоте шести тысяч футов над уровнем моря приютился городок Куаунауак. Он расположен к югу от тропика Рака, а точнее говоря, близ девятнадцатой параллели, примерно на одной широте с островами Ревилья-Хихедо, что лежат к западу от него в Тихом океане, или, если проследить еще западнее, с южной оконечностью Гавайского архипелага, а к востоку — с портом Цукох на Атлантическом побережье полуострова Юкатан, у границы Британского Гондураса, или, гораздо восточнее, — с портом Джаггернаут в Индии, на берегу Бенгальского залива.

Город стоит на взгорье, обнесен высокими стенами, улицы и переулки его петлисты и запутанны, дороги извилисты. С севера сюда ведет великолепное шоссе, проложенное по американскому образцу, но оно теряется в тесных улочках, превращаясь в простую тропу среди горного бездорожья. В Куаунауаке восемнадцать церквей и пятьдесят семь питейных заведений. Среди прочих его достопримечательностей можно отметить поле для игры в гольф, не менее четырехсот общественных и частных плавательных бассейнов, питаемых неиссякаемыми горными родниками, а также множество роскошных отелей.

Отель «Казино де ла сельва» стоит еще выше города, на ближнем склоне, подле вокзала. Он выстроен вдали от шоссеиной дороги, среди зелени садов, и украшен террасами, с которых открывается вид далеко на все стороны света. Царственное его великолепие исполнено скорбным духом померкшего блеска. Ныне казино уже не существует. Даже сыграть в кости на стакан вина здесь невозможно.

Призраки разорившихся игроков витают повсюду. И никто не купается в превосходном бассейне. Трамплины цепенеют в унылом запустении. Спортивные площадки поросли травой. Лишь два теннисных корта от сезона к сезону содер­жатся в относительном порядке.

В предвечерний час, на исходе Дня поминовения усопших, в ноябре 1939 года, двое мужчин в белых фланелевых брюках сидели на большой террасе «Казино», потягивая анисовую настойку. Они уже сыграли несколько партий в теннис, а потом в бильярд, и теперь ракетки их в непромокаемых футлярах — треугольном у доктора и квадратном у его партнера — лежали перед ними на балюстраде. Когда траурные процессии, спускавшиеся с кладбища по изви­стой тропе, приблизились, оба услышали протяжное пение; повернув головы, провожали они глазами печальное шест­вие, которое теперь удалялось, и вот уже стали видны лишь сиротливые огоньки свечей, плутовавшие где-то вдали, по кукурузному полю. Доктор Артуро Диас Вихиль пододви­нул бутылку анисовки мсье Жаку Ляруэлю, который сидел недвижимо, подавшись вперед всем телом.

Чуть правее и ниже террасы, под сенью неохватного пламенеющего небосвода, алой кровью окропившего без­людные бассейны, которые сверкали всюду, куда ни глянь, словно вездесущие миражи, безмятежно и благодатно по­коился город. Отсюда казалось, будто и в самом деле ничто не возмущает эту безмятежность. Но если прислушаться внимательно, как это сделал теперь мсье Ляруэль, можно было различить отдаленный, нестройный гул, явственный и вместе с тем сливавшийся с невнятным ропотом и моно­тонными вздыханиями траурных шествий, словно звучало какое-то пение, то всплескиваясь, то замирая, и неумолч­ные, глухие шаги — шум и разноголосица фиесты продол­жались весь день.

Мсье Ляруэль налил себе еще рюмку анисовки. Он пил анисовку, потому что она чем-то напоминала ему абсент. У него раскраснелось лицо и подрагивала рука, державшая

бутылку с цветной этикеткой, откуда румяный чертик угрожал ему вилами.

— ...Я пытал сделать ему убеждение уехать отсюда и становиться... *déalcoolisé*¹, — говорил доктор Вихиль. — Он запнулся на французском слове и продолжал по-английски: — Но на следующий день после бала я сам имел такое нездоровье, что совершенно осложнился на весь организм. И это есть плохое дело, потому что мы, врачеватели, обязаны совершать деяния, как будто апостолы. Вы же помните, в тот день мы, подобно теперь, сыграли теннис. А когда я повидал консула в его саду, я слал свою слугу узнавать, не угодно ли ему на минутку, милости просим, жаловать мне визит, а когда не угодно, пускай хотя бы даст узнать по записке, есть ли он еще живой через свое пьянство или уже не есть.

Мсье Ляруэль улыбнулся.

— Но они уже там не были, — продолжал доктор, — и тогда, безусловно, я решил узнавать от вас, заставляли вы его дома или не заставляли.

— Когда вы позвонили мне, Артуро, он был у меня.

— Ну, я, конечно, это знаю, только в ту ночь мы так мертвецки напили себя и были так абсолютно *вогнано*², что консул, наверное, заболел, мне подобно, и даже был похмельней меня. — Доктор Вихиль покачал головой. — Болезнь не содержит себя только в теле, она содержит себя и там, где общепринято называть «душа». Ваш друг, который был бедняга, ни с какой стати сорил деньги, и жизнь его была сплошная трагедия.

Мсье Ляруэль допил анисовку. Он встал и подошел к бальюстраде; облокотясь о лежавшие там теннисные ракетки, он взглянул вниз на одичавшие, заросшие травой площадки, на безжизненные теннисные корты, на фонтан, расположенный совсем рядом, посреди главной аллеи, куда привел лошадь на водопой какой-то крестьянин с кактусовой

¹ Излеченным от алкоголизма (*франц.*).

² Пьяны (*исп.*).

плантации. Двое молодых американцев, юноша и девушка, затеяли в этот поздний час играть в пинг-понг на нижней веранде. Свершившееся год назад, в этот самый день, представлялось теперь бесконечно далеким, словно с тех пор прошло целое столетие. Казалось, все это канет, как капля в море, среди сегодняшних треволнений. Но нет, это не так. И хотя трагедия мало-помалу отдаляется и обесмысливается, все-таки ему еще памятли те дни, когда каждая человеческая жизнь имела самодовлеющую ценность, а не забывалась после ошибочного упоминания в коммюнике с театра войны. Он закурил. Далеко слева, на северо-востоке, за долиной и уступчатыми предгорьями Восточной Сьерра-Мадре высились два вулкана, Попокатепетль и Истаксиуатль, горделиво сиявшие в пламени заката. Чуть ближе, милях в десяти, внизу, под главной долиной, виднелся поселок Томалин, уютно пристроившийся у самого леса, где над деревьями тонкой голубой струйкой противозаконно курился дымок от костра углежого. Впереди, по ту сторону американизированного шоссе, лежали поля и рощи, рассеченные излучинами реки и дорогой на Алькапансинго. Тюремная вышка торчала над лесом, меж рекой и дорогой, которая исчезала вдаль, за сиреневыми склонами, словно скопированными с иллюстраций Доре к «Раю». Выше, в Куаунауаке, вдруг вспыхнули огни единственного городского кинематографа, стоявшего на крутом склоне, поодаль от домов, мигнули, погасли и вспыхнули снова.

— «No se puede vivir sin amar»¹, — сказал мсье Ляруэль... — Как написал этот *estúpido*² на стене моего дома.

— Ладно, *amigo*³, отведите свою душу, — сказал доктор Вихиль, стоявший у него за спиной.

— ...Но, *hombre*⁴, ведь Ивонна вернулась! Этого мне никогда не понять. Она вернулась к нему! — Мсье Ляруэль по-

¹ «Невозможно жить без любви» (*исп.*).

² Глупец (*исп.*).

³ Друг (*исп.*).

⁴ Приятель (*исп.*).

дошел к столику, налил себе стакан теуаканской минеральной воды и выпил залпом. Потом сказал:

— Salud y pesetas.

— Y tiempo para gustarlas¹, — задумчиво отозвался его друг.

Мсье Ляруэль взглянул на доктора, который, позевывая, полулежал в шезлонге, на этого мексиканца с красивым, до невероятия красивым, темным, непроницаемым лицом, на его добрые, глубокие, карие глаза, как у тех прелестных и печальных индейских детишек, которых можно увидеть в Теуантепеке (этом земном раю, где женщины работают в поте лица, а мужчины с утра до вечера купаются в речке), на его маленькие, тонкие руки с нежными запястьями, где на тыльной стороне шетинились неожиданно жесткие черные волосы.

— Я давно уже отвел душу, Артуро, — сказал он по-английски, вынул изо рта сигарету и держал ее в тонких, нервных пальцах, слишком уж щедро, он сам знал это, унизированных кольцами. — И даже больше того...

Мсье Ляруэль заметил, что сигарета его погасла, и выпил еще анисовой.

— Con permiso². — Доктор Вихиль с такой непостижимой ловкостью извлек горящую зажигалку, словно она уже горела у него в кармане и он исторг пламя из своего тела, — движение руки и появление огня были нераздельны; он поднес зажигалку мсье Ляруэлю. — А вы хоть раз шли в здешнюю церковь всех скорбящих? — спросил он вдруг. — Там есть статуя Пресвятой девы, покровительницы всякому, который есть один как перст.

Мсье Ляруэль покачал головой.

— Никто туда не шел. Только тот, который есть один как перст, — сказал доктор задумчиво. Он спрятал зажигалку

¹ Будьте здоровы и благополучны.

И живите, дабы этим пользоваться (*исп.*).

² С вашего позволения (*исп.*).

и взглянул на часы, стремительно вскинув руку. — Allons-pous-en¹, — сказал он. — Vámonos². — Он рассмеялся коротко, словно зевнул, быстро закивал головой, подался вперед всем телом и спрятал лицо в ладонях. Потом встал у балюстрады рядом с мсье Ляруэлем, дыша всей грудью. — Ах, вот возлюбленное мной время, когда солнце уходит и всюду пение и псиный гав...

Мсье Ляруэль тоже рассмеялся. Пока они разговаривали, небо на юге грозиво потемнело; траурное шествие давно спустилось со склона. Стервятники, лениво парившие в высоте, плыли по ветру.

— Итак, встретимся около половины девятого, а покамест я зайду на часок в сине³.

— Bueno⁴. Мы еще будем увидаться в этот вечер, сами знаете где. И помните, все равно я не есть уверен, что вы завтра уедете. — Он протянул руку, и мсье Ляруэль ответил ему крепким, теплым пожатием. — Постарайтесь придти вечером, а если нет, пожалуйста, поймите, я всегда думаю о вашем здоровье.

— Hasta la vista.

— Hasta la vista⁵.

...И вот мсье Ляруэль одиноко стоял у шоссе, на том самом месте, где четыре года назад он оставил позади последнюю милю долгого, безумного и прекрасного путешествия из Лос-Анджелеса, и теперь сам едва верил, что действительно уедет. Но потом мысли о завтрашнем дне нахлынули, овладели им неотступно. Он постоял в нерешимости, какой дорогой идти домой, а мимо него прополз маленький переполненный автобус Tomalín: Zócalo⁶, спускаясь

¹ Пошли (франц.).

² Пойдемте (исп.).

³ Кино (исп.).

⁴ Хорошо (исп.).

⁵ До свидания (исп.).

⁶ Томалин, центральная площадь (исп.).

к багганса¹, откуда начинался подъем к Куаунауаку. Сегодня ему не хотелось идти в ту сторону. Он перешел дорогу и направился к вокзалу. Хотя он не собирался уезжать поездом, ощущение разлуки, ее неотвратимости снова тяжким бременем легло на его душу, когда он, по-детски пугливо обходя неподвижные стрелки, перебрался через узкоколейные пути. За путями, на травянистом холме, блестели в лучах заката нефтеналивные цистерны. Перрон дремал. Рельсы были пустынные, семафоры подняты. С трудом верилось, что поезда вообще прибывают и тем более отбывают по путям этого вокзала.

КУАУНАУАК

И все-таки меньше года назад он пережил здесь расставание, которого никогда не забудет. При первой встрече ему не понравился единокровный брат консула, пришедший с Ивонной и самим консулом к нему в дом на калье Никарагуа, и теперь он понимал, что сам тоже не понравился этому Хью. Вид у Хью был какой-то странный — хотя встреча с Ивонной так потрясла Ляруэля, что он едва обратил внимание на эту странность и потом, в Париане, не сразу узнал его, — казалось, это попросту карикатура на тот образ, который любовно и не без горького разочарования рисовал ему консул. Стало быть, вот он каков, этот мальчик, про которого ему столько рассказывали много лет назад, так давно, что рассказы уже стерлись в памяти! Проведя с ним всего-навсего полчаса, Ляруэль отвернулся от него, решив, что это легкомысленный и скучный человек, записной марксист салонного типа, безусловно тщеславный и самонадеянный, но романтически бескорыстный в своих поступках. А Хью, которого консул по различным причинам не «подготовил» к встрече с мсье Ляруэлем, конечно, тем более счел, что перед ним манерный, скучный, старею-

¹ Ущелье (*исп.*).

щий эстет, закоренелый холостяк, неразборчивый, похотливый и ненасытный сердцеед. Но потом за три бессонные ночи они пережили целую вечность: скорбь и безысходность перед лицом невыносимого несчастья сблизили их. Когда Хью вызвал его телефонным звонком в Париан, мсье Ляруэль за несколько часов узнал о нем многое: узнал его надежды, его страхи, его самообман и отчаяние. И когда Хью уехал, он испытал такое чувство, словно потерял сына.

Не щадя своего теннисного костюма, мсье Ляруэль взбирался на холм. А все-таки, подумал он, останавливаясь наверху перевести дух, я был прав, когда «нашли» консула (хотя тут-то возникло нелепое и отчаянное положение, потому что в Куаунауаке, пожалуй, впервые не оказалось британского консула, а он был так необходим и некуда обратиться), был прав, когда настоял, чтобы Хью пренебрег всеми условностями, воспользовался тем, что полиция вопреки обыкновению не хотела его задерживать — от него чуть ли не насильно старались отделаться, хотя простая логика требовала привлечь его в качестве свидетеля при расследовании этой истории, которую теперь, оглядываясь назад, можно, по крайней мере в одном отношении, рассматривать почти как подсудное дело, — и, не теряя ни минуты, отправился на борт корабля, который, по счастью, ждал его в Веракрусе. Мсье Ляруэль обернулся и взглянул на вокзал; Хью уехал, оставив по себе пустоту. Можно сказать, пожалуй, что он похитил остатки его иллюзий. Ведь в свои двадцать девять лет Хью еще мечтал изменить мир (иначе этого не назовешь) своей деятельностью, подобно тому, как и Ляруэль в сорок два года не совсем еще оставил надежду изменить его гениальными кинофильмами, которые он создаст когда-нибудь в будущем. Но сегодня мечты эти казались нелепой гордыней. В конце концов, он уже создал гениальные фильмы, если вообще можно говорить о гениальных фильмах в прошлом. И мир, насколько он может судить, ничуть не изменился. Но в некотором смысле Ляруэль уподобился Хью. Как и Хью, он уезжал теперь в Веракрус;

как и Хью, не знал, вернется ли когда-нибудь его корабль в гавань...

Мсье Ляруэль шел через небрежно возделанные поля узкими травянистыми тропами, проторенными батраками с кактусовых плантаций по пути домой. Он всегда любил эти места, но в последний раз гулял здесь еще перед дождями. Стебли кактусов дышали пленительной свежестью; налетали порывы ветра, и зеленые растения, пронизанные вечерним солнцем, напоминали плакучие ивы, мятущиеся под этими порывами; вдали, у подножий живописных, желтых, как булки, холмов, расплескалось золотое озеро солнечного света. Но теперь вечер таил в себе что-то зловещее. На юге громоздились черные тучи. Солнце заливало поля расплавленным стеклом. В яростном полыхании заката вулканы казались свирепыми чудовищами. Мсье Ляруэль быстро шагал, помахивая ракеткой, в своих прекрасных, прочных теннисных туфлях, которые давно надо бы снять и уложить в чемодан. Он снова чувствовал страх, чувствовал, что теперь, прожив здесь столько лет, даже сегодня, в последний день накануне отъезда, он чужой в этой стране. Четыре с лишним года, почти пять, а он скитается одиноко, словно по иной планете. Конечно, уезжать от этого ничуть не легче, но вскоре он, если будет угодно богу, снова увидит Париж. Ну что же! Война его мало беспокоила, хотя, разумеется, он не находил в ней ничего хорошего. Так или иначе, кто-нибудь все равно победит. И в любом случае жизнь будет нелегкой. Правда, если союзники потерпят поражение, будет особенно тяжело. И опять-таки в любом случае собственная его война все равно не кончится.

Как непрестанно, как поразительно преобразалось все окрест! Земля здесь была камениста, усеяна валунами; длинной чередой стояли засохшие деревья. Покинутый плуг, темневший на фоне заката, словно воздевал руки к небу в безмолвной мольбе; иная планета, снова подумал Ляруэль, чуждая планета, и на ней, если глянуть вдаль, за «Трес Мариас», откроются разнообразные пейзажи: Кот-

суолд, Уиндермир, Нью-Гэмпшир, луга Эр-и-Луар, даже серые дюны Чешира, даже пески Сахары, — планета, на которой в мгновение ока можно переменить климат и, если угодно, считать, что стоишь на перекрестке трех цивилизаций; но она прекрасна, этого нельзя отрицать, хотя волею судеб ей довелось сыграть роковую и очищающую роль, прекрасна, словно земной рай.

Но что совершил он в этом земном раю? Приобрел лишь немногих друзей. Завел любовницу-мексиканку, ссорился с нею, накупил восхитительных идиолов, которым поклонялись племена майя, а теперь не может даже увезти их с собой, да еще...

Мсье Ляруэль прикинул мысленно, будет ли дождь: иногда, правда нечасто, это случалось в такую пору, например в прошлом году дожди полили не вовремя. И сейчас на юге собирались грозовые тучи. Ему показалось, будто он чует запах дождя, и он подумал, как чудесно было бы вымокнуть насквозь, так, чтобы сухой нитки не осталось, идти все время по этой дикой стране в белом липнущем к телу фланелевом костюме и мокнуть, мокнуть, мокнуть, купаясь под дождем. Он взглянул на тучи: словно резвые вороные кони, мчались они по небу. Вот-вот разразится яростная гроза, неожиданная, негаданная! Так и любовь, подумал он; безнадежно запоздалая любовь. Но вслед за ней душу не осенил безмятежный покой, как бывает, когда вечернее благоухание или тихий солнечный свет и тепло вновь осеняют растревоженную землю! Хотя мсье Ляруэль и без того шел быстро, он еще прибавил шагу. И пусть такая любовь поразит тебя немотой, слепотой, безумием, смертью — все равно это красивое сравнение никак не изменит твою судьбу. *Tonpe de dieu*¹... Если даже сумеешь выразить в словах, чему подобна безнадежно запоздалая любовь, это не утолит духовной жажды.

Город теперь оставался справа, довольно высоко над ним, потому что, уйдя из «Казино», он шел вниз по отло-

¹ Разрази меня гром (*франц.*).